

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.08

**ВАСИЛЬКИ И КОЛОКОЛЬЧИКИ
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА****Огольцева Екатерина Васильевна**

Московский педагогический государственный университет,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия,

tertiumcomp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6439-0130>

Аннотация. В статье рассматривается фрагмент языковой картины мира, связанный с функционированием флоронимов *василек* и *колокольчик* в сфере образной деривации и в системе образных сравнений. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к выявлению коннотаций и фоновых знаний, сопряженных с лексической семантикой имен существительных разных лексико-семантических групп, а также относительно малой изученностью деривационного и фразеологического аспектов проблемы. Поэтому ставится вопрос о влиянии этимологии слова, его деривационной истории, на развитие системы переносно-метафорических и образно-символических значений. На материале текстовых фрагментов, иллюстрирующих общеязыковые образные структуры и ключевые направления их авторских трансформаций, рассматривается соотношение объективного и субъективного начал в лингвокогнитивном феномене «картина мира». В качестве основных методов исследования используются: метод анализа словарных дефиниций, контекстуальный анализ, а также элементы компонентного и словообразовательного анализа. Автор приходит к выводу, что значимость тех или иных номинаций в аспекте анализа их образно-метафорических, символических значений определяется как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами. Показано, что субъективные, наивные представления языкового коллектива: а) культурно обусловлены; б) связаны с объективными признаками того или иного растения; в) находят регулярное отражение в системе русской фразеологии и образной деривации. Установлены общие и различительные признаки номинаций *василек* и *колокольчик* с точки зрения их репрезентации в русской языковой картине мира. На новом языковом материале доказана продуктивность комплексного подхода к выявлению структур языкового знания, соотносимых с номинациями конкретных предметов. Такой подход предполагает анализ номинаций с позиции их деривационной истории и актуального лексического значения, функционирования в системе образной производной лексики и фразеологии, в аспекте языковой, закрепленной в словарях семантики и возможных направлений авторской трансформации.

Ключевые слова: языковая картина мира, флороним, устойчивое сравнение, индивидуально-авторское сравнение, эталон, образ, символ.

Для цитирования: Огольцева, Е. В. (2023). Васильки и колокольчики в русской языковой картине мира. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 104–117. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.08>

Original article

UDC 811.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.08

**CORNFLOWERS AND BLUEBELLS
WITHIN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD****Ekaterina V. Ogol'tseva**

Moscow Pedagogical State University,
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Moscow, Russia,
tertiumcomp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6439-0130>

Abstract. The article considers a fragment of the linguistic picture of the world associated with the floronyms *cornflower* and *bell* functioning in the sphere of figurative derivation and in the system of figurative comparisons. The relevance of the research is due to linguists' increasing interest in identifying connotations and revealing background knowledge related to the lexical semantics of nouns of different lexico-semantic groups, as well as the relatively small study of the derivational and phraseological aspects of the problem. In this regard, there is an issue begging the question concerning the influence of the word etymology, its derivational history, on developing a system of figurative-metaphorical and figurative-symbolic meanings. Relying on text fragments illustrating common language figurative structures and the principle directions of their author's transformations, the problem of correlating objective and subjective principles in the linguocognitive phenomenon «worldview» is touched upon. The key research methods employed are as follows: the method of dictionary definitions analysis, contextual analysis, along with elements of component and word-formation analysis. The author comes to the conclusion that the significance of certain nominations in the aspect of tackling the issues in their figurative, metaphorical, symbolic meanings is determined by both extralinguistic and intra-linguistic factors. It is shown that subjective, naive representations of the language group are a) culturally conditioned; b) associated with objective features of a particular plant; c) are regularly reflected in the system of Russian phraseology and figurative derivation. The common and distinctive features of the *cornflower* and *bell* nominations are revealed from the point of view of their representation in the Russian language picture of the world. The new language material comes relevant when emphasizing the productivity of an integrated approach to identifying the structures of language knowledge associated with the nominations of specific subjects. This approach involves the analysis of nominations in terms of their derivational history and actual lexical meaning; in terms of their functioning in the system of figurative derived vocabulary and phraseology; in terms of linguistic semantics fixed in dictionaries and possible directions of the author's transformation.

Keywords: linguistic picture of the world, floronym, stable comparison, individual author's comparison, standard, image, symbol.

For citation: Ogoltseva, E. V. (2023). Cornflowers and bells in the Russian language picture of the world. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 104–117. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.08>

Введение / Introduction

Изучение структур языкового знания, сопряженных с номинациями тех или иных конкретных предметов, на наш взгляд, должно учитывать несколько взаимосвязанных аспектов: 1) происхождение лексемы, ее словообразовательную структуру и деривационный потенциал; 2) закономерности лексической

сочетаемости; 3) парадигматические связи; 4) функционирование в составе устойчивых языковых единиц языка; 5) употребление в фольклоре и авторских произведениях разных жанров. Только при таком комплексном подходе можно в полной мере исследовать то, что принято называть фрагментом языковой картины мира. «Картина мира, как языковая, так и пропозитивно-дискурсная, по своей природе являет собою соединение субъективного и объективного начал, поскольку она отражает объективный мир сквозь призму субъективного видения. Она может отражать и воображаемый, выдуманный человеком мир в форме вымыслов, фантазий, мечтаний, художественных конструктов. В этом субъективизме раскрывается положение о “возможных мирах”, развиваемое в современных когнитивных и культурологических направлениях лингвистических исследований» (Блох, 2006, с. 19). Изучение номинаций, сопряженных с миром природы, особенно интересно в плане анализа взаимодействия научной и наивной картин мира (Касевич, 1996, с. 77).

Разумеется, в рамках небольшой статьи невозможно представить результаты исчерпывающего анализа по всем указанным направлениям. Поэтому мы ставим перед собой скромную задачу лишь наметить некоторые из них, подробнее остановившись на деривационном и фразеологическом аспектах. Цель статьи — на основе анализа словообразовательной и лексической семантики лексем «василек» и «колокольчик» выявить особенности их функционирования в текстах, представленных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), уделяя особое внимание лингвокультурному потенциалу данных номинаций, реализующемуся в сфере русской производной лексики и в системе компаративной фразеологии.

В последнее время метафорический потенциал наименований растений в целом и цветочной лексики в частности привлекает внимание как лексикологов, так и специалистов в области фразеологии и лингвокультурологии. Появляются исследования, посвященные системному анализу семантики фитонимов в русском языке (Летова, 2021). Образы цветов в языковой картине мира анализируются на материале паремий (Архипова, Куроедова, 2021). Ставится вопрос о важности сопоставительного анализа флоронимов как компонентов фразеологических единиц (Лескова, 2021). На этом фоне такой колоритный объект, как наименования цветущих растений в системе русских устойчивых сравнений, едва затронут специальными лингвистическими исследованиями, см., в частности: (Бойко, 2008). Наша статья в какой-то мере восполняет этот пробел.

Методология, объект и процедура исследования

Рассмотрение фрагмента русской языковой картины мира, соотносимого с двумя наименованиями цветов, широко распространенных в российской флоре, потребовало привлечь такие приемы, как словообразовательный и этимологический анализ, описание семантики слова посредством компонентного анализа. Продуктивными оказались также метод анализа словарных дефиниций и контекстуальный анализ, которые дали возможность оценить взаимодействие объективного и субъективного, научного и наивного в предпринятой нами реконструкции фрагмента картины мира.

Наш выбор в качестве объекта исследования именно этих двух лексем — *василек* и *колокольчик* — определяется как экстралингвистическими, так и собственно

языковыми факторами: принадлежностью обоих растений к полевым цветам; сходством цветовой гаммы; кажущейся однотипностью словообразовательной структуры сопоставляемых номинативных единиц. В самом деле, обыденное языковое сознание склонно воспринимать обе номинации как лексикализованные диминутивы. Последних вообще очень много среди наименований растений. В. Солоухин в очерке «Трава» отмечает: «Русский человек (надо бы сказать, народ. — В. С.) настолько влюблен в природу, что эта его нежность заметна даже по названиям трав» (Солоухин, 1986, с. 10). Далее приводится длинный перечень наименований, в котором немало уменьшительно-ласкательных образований: *касатик, баранчик, лютики, белая кашка, заячья лапка, белоголовка, богородицыны слезки, ноготки, матренка, одуванчики, душистый колосок, калачики, хрустальная травка, божьи глазки, вьюнки, богородская травка, купавка, анютины глазки* и мн. др. (Там же). Кстати, современные исследователи обращают внимание и на высокую значимость фитонимов в авторской картине мира самого В. А. Солоухина (Сухова, 2022).

Важно отметить, что по отношению к номинации «василек» версия об уменьшительно-ласкательном деривационном значении финали *-ек* оказывается недостоверной. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера указывает на возможное греческое происхождение наименования «василек» и находит соответствия в украинском, сербохорватском, латинском языках. Отмечается также родство с польским *bazylika* (не случайно польское имя *Vazyli* соответствует русскому *Василий*) (Фасмер, 1986, т. 1, с. 277). Таким образом, *-ек* в структуре наименования цветка — это, скорее всего, результат усложнения морфемной структуры, переосмысленный компонент *ик*, который исторически является частью основы. Восприятию слова «василек» как диминутива способствует и ономим — имя собственное, в котором суффиксу *-ек* в самом деле приписывается ласкательное значение. Ср. в загадке: *Ярко-синий, пушистый / Он в хлебе родится, / В еду не годится. / Так маленького Васю называют / И те цветы, что в поле собирают*. Примерно так же раскрывает этимологию этого слова и «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского. Оба словаря приводят дериват «васильковый» и отмечают его образно-переносное значение: «синий». По свидетельству В. И. Даля, многие диалектные наименования этого растения своей внутренней формой выражают именно синий (или голубой) цвет: *блататка, синовица, синецветка, синюха* (Даль, 1955, с. 167). П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» дает, пожалуй, наиболее подробную характеристику истории этого слова: «ВАСИЛЁК <...> травянистое сорное растение семейства сложноцветных, глушащее посевы, *Centaurea cyanus*. Прил. **василько́вый**, -ая, -ое. Ср. укр. **волошка** — «василек», блр. **Валошка** — тж. <...>» (выделено автором цитируемого текста. — Е. О.) (Черных, 1993, с. 135). Далее автор словаря отмечает, что славяне по-разному называли это растение: *метличина* или *синчец* (болг.), *модрац*, от *модар* — «синий» или *различак* (с.-хорв.), *modracka* (*modrý* — синий) (чеш.). Как видим, внутренняя форма большинства славянских эквивалентов русского *василька* основана на семантическом признаке цвета (синий или светло-голубой). То же можно сказать и о неславянских языках (немецком, французском). Интересно, что П. Я. Черных допускает связь *василька* с *василиском*: «В словаре Поликарпова (1704, с. 39): *василки* — “зелие”. Возникло, по-видимому, в результате переосмысления (сближения) с *Василий*, *Василько* или с *василиск* — “змей”) названия растения из семейства губоцветных базилик — “душистый василёк”, *Oscimum*

basilicum (basilicus — “царский” <...>) (курсив автора цитируемого текста. — Е. О.) (Там же).

Совершенно иная деривационная история у *колокольчика*. Во-первых, здесь совершенно очевидна диминутивная природа суффикса *-чик*, который появляется уже на первом этапе семантической деривации (*колокол* → *колокольчик* — маленький колокол, с помощью которого звонят, извещая о чем-либо). Во-вторых, авторы этимологических словарей пишут о звукоподражательном происхождении исходного наименования *колокол*: «КОЛОКОЛЬ <...> Звукоподражательное. Корень удвоен без перебора (удвоение интенсивное). Образование первичное (исконное): лит. *kaĩkalas* *колокольчик* (из **kalkalas*), сскр. *काँकाणस* *обруч, кольцообразное украшение; काँकाणि* — *украшение с колокольчиками*; *kalakalas* *беспорядочный шум, крик.* <...> Индс. корень: **gal-gala, *gel-gel-(u)* <...>» (курсив автора цитируемого текста. — Е. О.) (Преображенский, 1910–1914, с. 336). Отмечается также, что в неударенном виде этот корень встречается «во многих словах, означающих звук», например, в латинском глаголе *calo*, *-are* *восклицать, созывать* (Там же, с. 337). Вместе с тем в работах, посвященных истории колокольного звона на Руси, можно встретить и другую версию происхождения этого слова: в современном корне «**КОЛОКОЛ**» находят созвучие с общеславянским **kolo* — «круг», «дуга», «колесо» (ср. другие слова с подобной же образной основой — *около, околица, колоторот* и т. д. — во всех этих случаях имеет место сравнение обозначаемого предмета по параметру формы с неким эталоном (круг!) или идея движения предмета по кругу, по дуге). Так или иначе, внутренняя форма этого слова несет информацию не о цвете, а о форме или о характере звучания. Отмеченные различия в этимологии данных слов, в характере образной номинации влекут за собой и многие особенности их употребления.

Сразу подчеркнем, что и *василек*, и *колокольчик* — образы чрезвычайно активные как в фольклоре, так и в русской авторской поэзии. И. С. Куликова в монографии «Мир русской природы в мире русской литературы: слова-названия растений в русской художественной картине мира» делит названия цветов на непозитические и поэтические, причем к последним она относит ромашку, ландыш, василек, колокольчик, незабудку (Куликова, 2006, с. 19).

Образ «василек» встречается в компаративных конструкциях разных типов, однако явно преобладающей является прототипическая структура — устойчивое сравнение **как (словно, точно, будто) василек**, применяемая преимущественно по отношению к синим (или голубым) глазам человека (Огольцев, 2001). Ср. существительные *глаза, очи, глазки* в контекстах: *Другая девушка была полненькая, черненькая, с синими, как васильки, глазами* (Д. Л. Мордовцев. Москва слезам не верит)¹. Данное устойчивое сравнение (УС) используется в качестве характеристики внешности как мужчины, так и женщины. Заметно лишь возрастное предпочтение в употреблении этого компаративного фразеологизма: он характеризует чаще всего глаза ребенка или молодого человека.

Глаза как васильки — это, как правило, глаза ярко-синие, насыщенного голубого цвета. Подобная закономерность находит прямое отражение в системе слов-сопроводителей: синие-синие, темно-голубые: *Наконец, подняла на него свои большие*

¹ Здесь и далее используются фрагменты текстов из источника: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.08.2023). Курсив и полужирный в цитатах наши. — Е. О.

влажные глаза, темно-голубые, как васильки под росой, улыбнулась сквозь слезы, чутко насторожилась <...> (Д. С. Мережковский. Петр и Алексей). Синевя глаза, как правило, сопряжена с их яркостью, сиянием, даже горением; синие как васильки глаза — это чаще всего именно яркие глаза. Ср. авторскую замену слова-сопроводителя — прилагательного причастием «горящие» или глаголом «горят»: *Как васильки или как молнии горят ее глаза* (В. М. Дорошевич. Сказки и легенды). Кроме основной, прототипической структуры, широко употребляются и другие компаративные конструкции: «похожий(-ие) на василек (васильки)»; сложное существительное «глаза-васильки»; устойчивая метафора «васильки».

Трансформация основания сравнения может быть частичной: наряду с признаком цвета может актуализироваться либо эмоциональное впечатление, производимое синими (голубыми) глазами, либо черты характера обладателя таких глаз; ср. эпитеты «чудные», «мечтательные» и т. п.: *Но громче, неистовее всех хохотала веселая, красивая девушка с чудными, как васильки, синими глазами* (Л. А. Чарская. Так велела царица).

В индивидуально-авторских сравнениях цвет «как у васильков» может характеризовать самые разные объекты: это могут быть глаза не только человека, но и животного, а также неодушевленные предметы, например элементы одежды (при этом основание сравнения остается неизменным — синий цвет). Основание сравнения, как правило, настолько очевидно для читателя, что анализируемая компаративная структура часто используется в эллиптическом варианте, т. е. признак-основание опускается.

В текстах XIX–XX веков с васильком сравнивается **человек** по разным признакам: *Пригреешь меня немного, и я оживаю, как василек от солнечных лучей* (В. А. Швец. Дневник); *Как василек во ржи, затаилась в толпе Натуленька; жарко молится* (Б. А. Садовской. Пшеница и плевелы); *Я в плену у жизни и верчусь, как василек на полевой дороге, приставший к грязному колесу нашей русской телеги* (М. М. Пришвин. Дневники). Обратим внимание на то, что в структуре авторских (свободных) сравнений часто присутствуют компоненты, распространяющие элемент В — образ компаративной конструкции: *как василек от солнечных лучей; как василек во ржи, как василек на полевой дороге*.

Интересно, что объектом сравнения может быть даже отвлеченное понятие; так, с образами голубых цветов (*василька* и *незабудки* прежде всего) неразрывно связаны воспоминания о детстве, ностальгия по давнему, но дорогомому прошлому: *И цветет детство в душе, вот как эти полевые незабудки, как васильки!* (Н. Ю. Устрялов. Дневник).

В поэтических текстах авторские сравнения с образом «василек» чаще встречаются не с прилагательными, а с глаголами: этот цветок предстает как скромное, нежное, уязвимое живое существо, которое способно прятаться, скрываться от людских глаз. Считая сорняком, ненужным, бесполезным растением, его топчут, втирают в пыль, безжалостно уничтожают.

«*Васильки во ржи*» или «*васильки среди пшеницы*» — один из высокочастотных образов в русской поэзии: *Как васильки во ржи, цветут в лице глаза* (С. А. Есенин. Исповедь хулигана). В есенинском тексте сравнение распространяется авторской метафорой, которая является результатом яркого окказионального сочетания: «цветут глаза». Очевидно, что анализ синтагматических связей флоронима «васильки» дает дополнительные ценные сведения, касающиеся образно-символического аспекта его семантики. Отметим, кстати, что васильки бывают и лиловые, и желтые, и белые, и розовые, и даже красные. Однако языковая система выбирает именно признак «синий» и использует его почти исключительно для описания цвета глаз человека.

Цветение васильков — символ круговорота в природе. С одной стороны, это знак начала весны или начала лета. С другой стороны, васильки на сжатом поле — признак наступающей осени: *В районе Бреста и Ивангорода зацвели васильки, рожь и белая акация (весна окончилась)* (Д. Н. Кайгородов. Из русской природы); *Вокруг хутора сплошной желтый ковер сжатого поля; изредка красят его лишь запоздалые васильки, да мак* (Г. А. Гоштовт. Дневник).

Васильки — символ возраста человека; они как бы проживают с человеком всю его жизнь, от юности до старости. Регулярной реализации этого символического значения служит природное свойство васильков менять свой цвет в зависимости от времени суток, от освещения, места произрастания и от возраста растения: *«<...> васильки, ярко-синие на солнце в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость»* (Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат); *«Я все смотрю на седые васильки, и беспокойное, тоскливое чувство овладевает мною: «Что скажет завтра физик о вечности красок?»* (В. Брагин. В стране дремучих трав).

По отношению к василькам часто используется эпитет «небесный» и его дериваты; наблюдается также соседство образа васильков и образа неба как однофункциональных, характеризующих один и тот же объект: *В проплешинах овсов небесно сияли мелкие васильки, если мы задевали сапогами межи, в глуби их начинали потрескивать и порскать черными семенами дикие маки* (В. Астафьев. Обертон).

Многие контексты подчеркивают, что васильки — дикое, сорное растение, которое забивает рожь и другие злаки, и поэтому от него не жалко избавляться; вместе с тем в текстах регулярно делается акцент на противоречии между тем вредом, который приносят посевам эти растения, и их невинной, небесной красотой: — *Кажись, васильки нарисованы, — хрипло сказал Колька Дрождев, — хоть и сорная трава, но голубая* (Ю. Коваль. Клеенка); *Васильки этакого невиданного поднебесного цвета, будто и вправду порядочный цветок* (Г. Е. Николаева. Битва в пути).

Васильков много в полях и на лугах, в разнотравье, и растут они вместе с таволгой, колокольчиками, ромашками, шалфеем, медуницей, бурьяном, подорожником, клевером, маками. Образ василька — один из цветочных образов России — широко используется в названиях художественных произведений, в живописи, поэзии, песенном жанре и т. п. (ср.: «Васильки Шагала» А. Вознесенского, романс «Всё васильки» в его многочисленных вариациях как результат переработки отрывка из стихотворения «Сумасшедший» А. Н. Апухтина).

Многие авторы, описывая васильки, прибегают к приему олицетворения: *Я шел через луговины и пажити, через заросли шиповника и коровьи стада, мне в пояс кланялись хлеба и улыбались васильки* (В. Ерофеев. Москва-Петушки); *Открыто веселая. Рожь и васильки... Давние-давние соседи. И васильки синеглазо улыбаются: ржище вольготно и нам ладно* (В. Бочарников. Синие глаза лета); *Большой луг на пологом берегу речушки укрыла густая сочная трава и множество цветов. Среди них выделялись васильки. Высокие, статные, а голубоглазые...* (А. Г. Асмолов. Принцесса Ро). Интересно, что не только голубые или синие глаза сравниваются с васильками, но и, наоборот, васильки сравниваются с глазами человеческими, т. е. образ сравнения и предмет образной характеристики способны меняться местами, демонстрируя свойство взаимной обратимости.

Несомненно, васильки — один из выразительнейших образов памяти и, вероятно, это неслучайно. Лирически-печальный ореол, который мы наблюдаем вокруг этого

незатейливого цветка, отчасти обусловлен тем, что он нередко встречается на могилах: *Тут красовались пышные гвоздики и огромные подсолнечники, пестрели разноцветные маки, благоухал канупер, ковром расстилались ноготки, колокольчики, зинзивер и — украшение могил — васильки.* (А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе).

Образ василька овеян глубокой романтикой, порожденной ностальгическими чувствами детства и Родины: *Вспоминал красную рубаху в синем сосняке, густую здоровую смолу в воздухе, детское длинное лето, мягкие круги на воде вечером, когда играет мелкая рыба, мятую васильки на чьей-то русой голове...* (С. Н. Сергеев-Ценский. Бабаев).

Васильки растут повсюду, они неприхотливы. Во многих контекстах подчеркивается **незатейливость** этих цветов, которая маркируется эпитетами «скромные», «неброские», «простые», «обыкновенные». В то же время васильки вместе с другими растениями российских лугов ассоциируются с красотой гармоничных цветовых сочетаний, вызывая исключительно положительные эмоции, о чем свидетельствует частое употребление анализируемого флоронима с эпитетами «милые», «родные» и пр. Васильки могут осознаваться и как символ простой, непритязательной, гармоничной жизни на природе, чистоты и невинности.

В русской литературе васильки — это и символ ожидания любви, и образ чистого, романтического чувства: *Я вернулся домой; но образ бедной Акулины долго не выходил из моей головы, и васильки ее, давно увядшие, до сих пор хранятся у меня...* (И. С. Тургенев. Свидание).

Полевые или луговые васильки — излюбленный мотив вышитых вещей, частый рисунок на блузках, платьях, на вороте рубахи, на клеенках, скатертях, занавесках и салфетках: *А на скатерти синели васильки, вышитые самой Ксюшей* (Г. Алексеев. Зеленые берега); *Была у меня полотняная салфетка, ну я и сшила с нее и еще васильки с двух сторон вышила для приятности.* (В. Михальский. Одинокому везде пустыня).

В старину женщины собирали васильки в бутоньерки и прикрепляли к платью: *Волосы ее были прибраны чище обыкновенного и свежие васильки украшали грудь ее* (В. Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова). Для мужчины васильки в петлице — часть костюмного кода, символ ожидания самой главной в жизни встречи. Васильками украшали волосы, плели из них венки, прикрепляли к шляпкам: *Наденька, обыкновенно, помогала ей в этом занятии; а Пелагея Петровна все собирала васильки во ржи: наберет целую охапку васильков и начнет, бывало, плести из них венки, сплетет венок и украсит им соломенную шляпку Лидии Ивановны <...>* (И. И. Панаев. Опыт о хлыщах).

Совершенно очевидно, что образ васильков в поле неразрывно связан с образом самой России: *Я — по полю вдоль реки: света тьма, нет Бога! В чистом поле — васильки, дальняя дорога. Вдоль дороги — лес густой с бабами ягами, А в конце дороги той — плаха с топорами...* (В. Высоцкий. Моя цыганская); *Как голубые огоньки, / Среди золотых стеблей / Растут родные васильки / Для радости моей* (А. С. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга).

Употребление второго флоризма — «**колокольчик**» — также сопряжено как с его этимологией, так и с современной семантической структурой слова. «Словарь русского языка» (МАС) под редакцией А. П. Евгеньевой в четырех томах указывает на семантическую связь между диминутивом («маленький колокол») и вторым значением, которое является результатом метафорического переноса (сходство по форме)

и используется уже для обозначения иного предмета — растения. Два лексико-семантических варианта, зафиксированных в МАС, относятся к разным лексико-семантическим группам. В обоих случаях имеет место своего рода лексикализация уменьшительно-ласкательной формы. Обратим внимание на то, что словарная дефиниция отражает сему образного сравнения: «с <...> цветками, похожими на маленький колокол» (МАС, 1982, с. 75).

Словарь А. Г. Преображенского приводит однокоренные слова *колокольчик*, *колокольный*, *колокольня*, *колоколёц* (предсмертное, хриплое дыхание), *колоколка* (головка растений), *колокольчатый*, диал. *колоколить* (звонить, трезвонить), указывает на этимологическую связь слов данного гнезда со старославянским «клакол» и на их звукоподражательную природу.

Любопытно, что у В. И. Даля находим собрание пословиц и поговорок, упоминающих колокол (но не колокольчик-цветок!) и те звуки, источником которых он является. В системе устойчивых сравнений слово «колокольчик» также присутствует в основном своем значении «маленький колокол, звонок». Сравнению подвергается чаще всего женский (детский, девичий) голос (по признакам «звенеть», «заливаться»; «звонкий», «высокий», «нежный», «чистый», «тоненький», «заливистый»): *Ночами ей снилось: маленькая кудрявая девочка бежит по комнате, и голосок у девочки звонкий как колокольчик*. (А. В. Перегудов. В те далекие годы). В текстах часто встречается и творительный сравнения. Это устойчивые выражения, употребляющиеся в основном как характеристика голоса человека, его пения или смеха, реже — при описании пения птиц или голоса другого животного (например, лая собаки): *С террасы зазвенели колокольчиками детские свежие голоса* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Запоздавшая весна).

Особого внимания заслуживают контексты, в которых сближаются два колокольчика — колокольчик звонящий и колокольчик-цветок: *«Как колокольчик прозвенело имя, / Как колокольчик — Дина — колокольчик / Лиловый, среди полей, звенящий солнцу»* (М. О. Цетлин (Амари). Айседора: «Сегодня пир, сегодня радость солнца...»). С одной стороны, сравнение осуществляется по признаку «звонкий» и характеризует звучание имени, а с другой — возникает образ полевого колокольчика, «звнящего солнцу». В ином контексте смех человека уподобляется звону колокольчиков, но именно цветов: *Она смеялась, как тысяча тысяч синих колокольчиков. Она засмеялась. Колокольчики. Похоже на смех Офелии* (Василий Аксенов. Звездный билет. Юность. 1961).

Обратим внимание: из двух сопоставляемых нами образов именно *василек* (не колокольчик!) широко распространен во фразеологии как эталон цвета. На активность цветообозначений в устойчивых единицах языка указывают многие известные ученые, в частности: (Ковшова, 2012, с. 218), однако не менее важно и то, что сам по себе выбор эталонов цвета очень прихотлив и на первый взгляд алогичен.

Заслуживает внимания и прилагательное «колокольчиковый», которое тоже употребляется главным образом в значении «звонкий, чистый, нежный, как колокольчик» и характеризует звучание человеческого голоса, смех, реже — иные звуки: *Голос ее был колокольчиковый — хотя мне сказали, что Дине немало лет* (Д. Осокин. Утиное горло). Ср. также: *колокольчиковый звук речей демократов* (В. Маканин); *серебряный колокольчиковый смех* (А. Битов); *колокольчиковый голосок* (В. Ю. Кунгурцева); *колокольчиковые звуки финала* (Е. Евтушенко); *колокольчиковая музыка пианино*

(А. Г. Малышкин). Во всех приведенных контекстах значение прилагательного «колокольчиковый» мотивируется первым значением существительного «колокольчик» (*маленький колокол*).

Другие фрагменты, в которых это прилагательное связано со вторым значением существительного (*цветок, растение*), очень немногочисленны. В последнем случае могут актуализироваться два основных значения: 1) безобразное значение «относящийся к колокольчикам» или «состоящий из колокольчиков»: *колокольчиковые полянки, колокольчиковая семья* и пр.; 2) похожий на колокольчики по внешнему виду: «*сиреневые цветочки колокольчикового типа*». В научных и научно-популярных текстах (реже — в художественных и публицистических) употребляется также ботанический термин, наименование семейства растений — субстантиват «колокольчиковые»: *Но далеко не все знают, что колокольчик (Campanula) — всего лишь один из многочисленных (около 80) родов семейства колокольчиковых* (Красота без звона. Аргументы и факты. 23.06.2005).

Более широкое употребление существительного «колокольчик» в первом значении подтверждается сведениями НКРЯ: из трехсот проанализированных нами были отобраны те, в которых колокольчик — это название цветка (всего таких фрагментов оказалось 55, что составляет 18,3 %).

Чрезвычайно интересны примеры, в которых сближаются значения исходного мотивирующего существительного «колокол» и мотивированного «колокольчик-2», благодаря тому, что образованные от них прилагательные сосуществуют в одном контексте:

В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над *колокольчиковым* лугом
Собор звонит в *колокола!*
Звон закольный и окольный,
У окон, около колонн, —
Я слышу *звон и колокольный,*
И *колокольчиковый* звон.
И *колокольцем* каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...

(Н. Рубцов. Левитан)

Колокольчики сближает с колоколом не только форма: они еще и позванивают на ветру: *...Он слышал, как голубые колокольчики, наклоня свои головки, звенели. Он видел, как из-за осоки выплывала русалка...* (Н. В. Гоголь. Вий); *Колокольчики мои, / цветики степные! / Что глядите на меня / Темно-голубые / И о чем звените вы / в день веселый мая / средь некошеной травы / головой качая?* (А. К. Толстой. Колокольчики мои...). Звенят колокольчики только поздней осенью, перед морозами.

Для поэтических текстов характерен прием олицетворения: как и васильки, колокольчики уподобляются человеку, однако основанием сравнения являются, как правило, не синий цвет, а форма и расположение соцветий на стебле: колокольчики «наклоняют головки», «качают головками». Очень часто применяются эпитеты

«поникшие», «склоненные»: *Они очень красивые, эти белые цветы, колокольчики, склоняющиеся книзу, как в молитве* (Г. Садулаев. Шалинский рейд).

Они, как правило, «синие», «голубые», «голубоватые», «голубенькие», «темно-голубые», «лазоревые». Встречаются колокольчики сиреневатые, лиловые, тускло-лиловые. Колокольчики не столь яркие цветы, как васильки, они чаще употребляются с эпитетами «светло-голубые», «нежные», «прозрачные», «бледные»: *Разочарованное стекло от глаз к подбородку, и лицо Эви сразу сделалось длинным, как светлый луговой колокольчик, если его сорвать и перевернуть* (Ю. Лавряшина. Улитка в тарелке).

Колокольчики растут и в лесу, и в степях, и в полях, и в горах, нередко на выгоревших местах, прямо на пепелищах. Так же как и василек, колокольчик нередко сопровождается эпитетом «скромный», что во многом объясняется непритязательностью данных цветов, растущих в любых условиях, например в расщелинах между камнями: *Скучную кирпичную стену способно оживить даже всего одно маленькое растеньице колокольчика, выросшее в щели* (В. Иршенкова. Свой уголок я убрала цветами).

Судя по материалу НКРЯ, букеты из колокольчиков не так хороши, как из васильков, и венки из них плетут реже. В венке они чаще соседствуют с другими полевыми цветами: *На голове её несколько криво водружён был широкий венок из полевых трав и цветов: колокольчиков, лютиков, васильков, розовых звёздочек с переводящимися лепестками, — Ваня звал эти цветы часиками* (В. Ю. Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел).

Как мотив русской вышивки колокольчики, вероятно, тоже менее популярны, однако упоминания о вышивках с колокольчиками тоже встречаются, причем этот мотив причудливо переплетается в народном сознании со звенящими колоколами: *Развернула: узор знакомый — не то колокола, не то цветы — колокольчики, сплетенные между собой извилистыми усиками* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Колокольчик богато представлен в русской поэзии. Широкую известность получило стихотворение А. К. Толстого, вошедшее в школьную программу и положенное на музыку (романс на стихи П. П. Булахова). Оно стало настолько популярным, что у многих возникает сомнение в том, что у него есть конкретный автор. Ср. заглавие статьи: «*Колокольчики мои, цветики степные...*» — народна ли эта песня? (Т. Яковлева. Частный взгляд на народность культуры. *Менестрель*. 2013).

Колокольчик (как и исходное «*колокол*») — один из эталонов формы, который широко применяется для описания других предметов, прежде всего цветов: *У цветков, имеющих воронкообразную форму (колокольчики, наперстянка, львиный зев), кусочками ваты заполняют полость трубки* (Л. Белецкая. Флористическая живопись. *Наука и жизнь*. 2009).

В связи с тем, что колокольчик имеет характерную воронкообразную форму, внутри которой полое пространство, ему часто уподобляются головные уборы. В 20-х годах XX века была в моде дамская шляпка в форме колокольчика — **клош** (фр. *cloche* — «колокол»), созданная французской модисткой К. Ребу. Такие шляпки, которые воспринимались как символ юности, свободы, раскрепощенности, чаще всего делали из фетра. Они плотно облегли голову и надвигались низко на лоб, а в конце 20-х годов XX века в соответствии с новой модой их поля стали заворачивать наверх. Вместе с тем возможен обратный перенос: цветочек колокольчика уподобляется головному убору: *А рядом с Ваней стояла коротышка ростом с локоток, макушка крошки*

*Додо́лы как раз уперлась в **цветок-колокольчик**, росший на поляне* (В. Ю. Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел).

Колокольчики — символ нежной, чистой, скромной красоты и свежести: *Арбузной свежестью веет от ваших помыслов, они чисты и прекрасны, как запах свежей травы, клевера, кашки и колокольчиков — да, именно колокольчиков — после дождя* (И. Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»). По отношению к колокольчикам, как и по отношению к другим полевым и луговым цветам, широко употребляются такие определения, как «простые», «непритязательные», «скромные», «безыскусственные». Скромность как качество человеческой натуры, «милое», привлекательное для русского человека, нередко сравнивается с колокольчиком: *«Алексей Константинович не был “властителем дум”; его поэзия расцвела любимым им полевым колокольчиком, прячущимся в траве. Но кто скажет, что милее душе... Колокольчики мои, Цветики степные! Что глядите на меня, Темно-голубые?»* (Л. Серова. Гармонии таинственная власть. Наука и жизнь. 2007).

Наши наблюдения над функционированием лексем «василек» и «колокольчик» в русских поэтических и прозаических текстах подтверждают тот неоспоримый факт, что фитонимы-метафоры составляют значимую часть индивидуальных поэтических картин мира, каждая из которых представляет собой своеобразное творческое преломление русской национальной картины мира как общекультурного феномена (Афанасьева, 2020).

Заключение

Итак, очевидно, что номинации *колокольчик* и *василек* представляют значительный интерес для анализа русской языковой картины мира. Эти образы роднит не только синий цвет, но и неприхотливость, широкая распространенность в самых разнообразных российских ландшафтах, красота их сочетаний с другими полевыми и луговыми цветами. Объективные признаки анализируемых растений неразрывно связаны с субъективными, наивно-лингвистическими, культурно обусловленными представлениями о них языкового коллектива, что находит отражение в системе русской фразеологии и текстах разных стилей и жанров.

Анализ образов василька и колокольчика в наивной картине мира наглядно показывает существенное различие между ними: если первый образ — преимущественно эталон синего цвета, то второй — синкретичный образ, в котором совмещаются и сложно переплетаются признаки цвета, формы и звучания. Обе номинации возвышаются над конкретно-вещными образами и относятся к сфере отвлеченных представлений, символизируя такие духовные ценности, как скромность, нравственная чистота, доверие и верность, надежда на будущее и светлые воспоминания о милом сердцу прошедшем.

Список источников

1. Блох, М. Я. (2006). Концепт и картина мира в философии языка. *Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты)* (с. 37–40). Материалы Международной научно-практической конференции, 17–19 марта 2006 года. Элпис.

2. Касевич, В. Б. (1996). *Буддизм. Картина мира. Язык*. Петербургское Востоковедение.
3. Летова, А. М. (2021). *Семантические особенности фитонимов в русском языке* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва].
4. Архипова, Н. Г., & Куроедова, М. А. (2021). Образ цветка как фрагмент языковой картины мира (на материале русского и китайского языков). *Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки», 92*, 110–114.
5. Лескова, Е. В. (2021). Особенности изучения фразеологизмов с компонентом-флоронимом на занятиях по РКИ: лингвокультурологический аспект. *Филология и культура, 4(66)*, 270–274.
6. Бойко, Л. Г. (2008). Мир флоры в устойчивых сравнениях. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 10(34)*, 75–77.
7. Солоухин, В. А. (1986). *Трава*. Современник.
8. Сухова, К. И. (2022). Фитонимический код в лирике В. А. Солоухина (на примере цветочных растений). *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, 4(47)*, 76–83.
9. Фасмер, М. (1986). *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. 2-е изд. Т. I. Прогресс.
10. Фасмер, М. (1986). *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. 2-е изд. Т. II. Прогресс.
11. Даль, В. И. (1955). *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. I. А–З. Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
12. Даль, В. И. (1881). *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. II. И–О.
13. Черных, П. Я. (1993). *Историко-этимологический словарь русского языка*: 13 560 слов: в 2 т. Т. I. Русский язык.
14. Преображенский, А. Г. (1910–1914). *Этимологический словарь русского языка*. Т. I. А–О. Типография Г. Лиснера и Д. Совко.
15. Куликова, И. С. (2006). *Мир русской природы в мире русской литературы: слова-названия растений в русской художественной картине мира*. Наука, Саха.
16. *Национальный корпус русского языка*. (2023, 30 августа). <http://www.ruscorpora.ru>
17. Огольцев, В. М. (2001). *Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимомантонимический)*. Русские словари: Астрель: АСТ.
18. *Словарь русского языка (МАС)*: в 4 т. (1982). А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова (Ред.). 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. Русский язык.
19. Ковшова, М. Л. (2012). *Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры*. Монография. Либроком.
20. Афанасьева, Н. А. (2020). Русская поэтическая картина мира: лингвистический подход. *Филологический класс, Т. 25, 4*, 80–87.

References

1. Bloch, M. Ya. (2006). The concept and picture of the world in the philosophy of language. *Problems of semantics of linguistic units in the context of culture (linguistic and linguometodic aspects)* (pp. 37–40). Materials of International Scientific and Practical Conference, 2006, March 17–19. Elpis. (In Russ.).
2. Kasevich, V. B. (1996). *Buddhism. A picture of the world. Language*. Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.).
3. Letova, A. M. (2021). *Semantic features of phytonyms in the Russian language* [Dissertation ... for the PhD (Philology): 10.02.01. Moscow]. (In Russ.).
4. Arkhipova, N. G., Kuroedova M.A. (2021). The image of a flower as a fragment of the linguistic picture of the world (based on the material of Russian and Chinese). *Bulletin of the Amur State University. Series «Humanities», 92*, 110–114. (In Russ.).
5. Leskova E. V. (2021). Features of the study of phraseological units with a component-a floronym in the classroom on RCT: linguoculturological aspect. *Philology and Culture, 4(66)*, 270–274. (In Russ.).

6. Boyko, L. G. (2008). The world of flora in stable comparisons. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 10(34), 75–77. (In Russ.).
7. Soloukhin, V. A. (1986). *Herb. Sovremennik*. (In Russ.).
8. Sukhova, K. I. (2022). Phytonymic code in the lyrics of V. A. Soloukhin (on the example of flower plants). *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 4(47), 76–83. (In Russ.).
9. Fasmer, M. (1986). *Etymological Dictionary of the Russian language*: in 4 vol. 2nd Ed. Vol. I. Progress. (In Russ.).
10. Fasmer, M. (1986). *Etymological Dictionary of the Russian language*: in 4 vol. 2nd Ed. Vol. II. Progress. (In Russ.).
11. Dal, V. I. (1955). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*: in 4 vol. Vol. 1. A–Z. Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovaroj. (In Russ.).
12. Dal, V. I. (1881). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*: in 4 vol. Vol. II. I–O. (In Russ.).
13. Chernykh, P. Ya. (1993). *Russian Russian Historical and Etymological dictionary*: 13 560 words: in 2 vol. Vol. 1. Russkiy yazyk. (In Russ.).
14. Preobrazhensky, A. G. (1910–1914). *Etymological dictionary of the Russian language*. Vol. 1. A–O. Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko. (In Russ.).
15. Kulikova, I. S. (2006). *Russian Russian Nature World in the world of Russian literature: words are the names of plants in the Russian artistic picture of the world*. Nauka, Saga. (In Russ.).
16. The National Corpus of the Russian language. (2023, August 30). <http://www.ruscorpora.ru> (In Russ.).
17. Ogoltsev, V. M. (2001). *Russian Dictionary of stable comparisons (synonymous-antonymic)*. Russkie slovari: Astrel': AST. (In Russ.).
18. *Dictionary of the Russian language (MAS)*: in 4 vol. (1982). A. P. Evgenieva, G. A. Razumnikova (Eds.). Vol. 2. Russkiy yazyk. (In Russ.).
19. Kovshova, M. L. (2012). *Linguoculturological method in phraseology: Codes of culture*. Monograph. Librocom. (In Russ.).
20. Afanasyeva, N. A. (2020). The Russian poetic picture of the world: a linguistic approach. *Philological class*, Vol. 25, 4, 80–87. (In Russ.).

Информация об авторе

Екатерина Васильевна Огольцева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Information about the author

Ekaterina V. Ogoltseva — Doctor of Philology, docent, Professor of the Department of the Russian Language, Moscow Pedagogical State University; Professor of the Department of Slavic Philology at St. Tikhon Orthodox University of the Humanities.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests